

Инна Соболева

ПОБЕДИТЬ
НАПОЛЕОНА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 года



Инна Аркадьевна Соболева

Победить Наполеона.

Отечественная война 1812 года

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937515

*Победить Наполеона. Отечественная война 1812 года: Путер; СПб.;
ISBN 978-5-459-00389-5*

Аннотация

«Русские не могли бы без стыда раскрыть славной книги своей истории, если бы за страницей, на которой Наполеон изображён стоящим среди пылающей Москвы, не следовала страница, где Александр является среди Парижа», – писал один из самых проникательных русских историков С.М. Соловьёв. Новая книга Инны Соболевой не о тактике и стратегии Отечественной войны 1812 года. Она о том, как меняла война людей: как робкие юноши превращались в героев; как люди мягкие становились жестокими, а казавшиеся верными предавали. Почему все-таки стала возможной эта война, хотя обе стороны не желали воевать друг с другом? Какие тайные мотивы двигали Александром и Наполеоном? Как на ход истории повлияла роковая случайность и чем для России обернулась победа над Францией?

Содержание

Жизнь после жизни	4
Часть I	10
Наполеон	10
Александр	16
Наполеон	18
Александр	21
Наполеон	22
Александр	25
Император Всероссийский Павел Петрович.	28
Отец	
Адвокат из Аяччо Карло Буонапарте. Отец	32
Великая княгиня, потом – российская	36
императрица Мария Фёдоровна, урождённая	
принцесса Вюртембергская София-Доротея.	
Мать	
Летиция Буонапарте, урождённая Ромалино.	41
Мать	
Наполеон	57
Александр	65
Упущенный шанс	70
Наполеон	73
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Инна Аркадьевна Соболева

Победить Наполеона.

Отечественная война 1812 года

Жизнь после жизни

Воистину необычную оказалась бы книга, в которой не нашлось бы места для вымысла.

Наполеон Бонапарт

Гениальные люди – это метеоры, призванные сгореть, дабы озарить свой век.

Наполеон Бонапарт

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

История Наполеона – самая неизвестная из всех историй.

Леон Блуа, французский историк

...восстанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по

Принято считать: пока о человеке помнят – он не умер. Так что можно смело утверждать, что оба героя этой книги живы и будут жить ещё долго. Один из них – скорее всего, вечно. Его враг и одновременно почитатель (парадокс!) Франсуа Рене Шатобриан сказал: «Мир принадлежит Наполеону. Что не захватил он, после смерти захватила его слава. А деспотическая власть памяти даже сильнее».

Пророческие слова. За недолгую жизнь он успел многое: стать владыкой полумира, превратиться в ненавистного захватчика и тирана, а после смерти снова стать кумиром миллионов. И до сих пор, почти через двести лет после того, как окончилась его земная жизнь, одни его страстно любят, другие с не меньшей страстью ненавидят. Неразрешимая загадка истории...

Другая загадка – отношение к Наполеону (недавнему врагу) в России. Пушкин был первым, кто вопреки установившемуся взгляду на Бонапарта как на жестокого завоевателя написал:

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

По признанию современника, этими словами «поэт проявил такое благородство чувства и силу мысли, что все другие русские лирики должны были показаться перед ним пигмеями». В справедливости этого утверждения трудно усомниться, даже искренне опасаясь обидеть всех русских лириков вместе взятых, и нерусских тоже. И ничего в этом удивительного нет: понять и оценить гения может, наверное, только гений.

Во Франции, которой он принёс невиданную славу и невыносимые страдания, одни его ненавидели, другие обожествляли. Виктор Гюго верно угадал, за что и почему так самозабвенно сражалась Старая гвардия при Ватерлоо:

И, зная, что умрут, приветствуют его,
Стоящего в грозе, как бога своего.

Автор потрясающей книги «Душа Наполеона» Леон Блуа вспоминал: «Я знал в детстве старых инвалидов, которые не умели отличить его от Сына Божьего».

Но это – во Франции. А в России? Лермонтов его боготворил. Цветаева в киот вместо иконы вставила его портрет. Её отец, человек глубоко верующий, был потрясён. Отца она любила, но убрать портрет отказалась...

В России почитателей памяти императора французов было никак не меньше, чем во Франции. Во всяком случае и она оказалась невольной жертвой русского бонапартизма.

Над моей детской кроватью (а раньше – над кроватью деда, потом – мамы) висела (и продолжает висеть) огромная гравюра знаменитого баталиста XIX века англичанина Эрнста Крофтса «Наполеон и Старая гвардия» (тот факт, что англичанин с нескрываемым пиететом писал заклятого врага своей страны, тоже достоин осмысления). Так что первым историческим персонажем, с которым мне выпало познакомиться, был Наполеон. А первым серьёзным стихотворением – лермонтовское «Бородино». Примирить одно с другим детскому сознанию оказалось не под силу. Да и потом... Восхищение личностью и неприятие его нападения на Россию противятся друг другу и всё же странно уживаются в душе...

Что же касается императора Александра I, то о нём я узнала много позднее, и интерес он поначалу вызывал только одним: как ему удалось выглядеть в глазах Европы победителем непобедимого полководца? То, что победителем он всего лишь выглядел, человеку, воспитанному на «Бородине», очевидно. К тому же есть непререкаемый авторитет – Пушкин. Это он сказал об Александре: «нечаянно пригретый славой».

Но так или иначе имена Наполеона и Александра часто, да почти всегда упоминают вместе – волей истории они стали неразлучны в памяти всех сменившихся за двести лет поколений. Неразлучны, неразрывны, но – не равны. Думаю, прав официальный биограф и внучатый племянник Александра, великий князь Николай Михайлович: «Как правитель гро-

мадного государства благодаря гениальности сперва его союзника, а потом врага, Наполеона, он навсегда займет особое положение в истории Европы начала XIX столетия, получив и от мнимой дружбы, и от соперничества с Наполеоном то наитие, которое составляет необходимый атрибут великого монарха. Его облик стал как бы дополнением образа Наполеона. Гениальность Наполеона отразилась, как на воде, на нём и придала ему то значение, которого он не имел бы, не будь этого отражения».

В самом деле, иди жизнь своим привычным порядком, их пути не должны были, да просто не могли не то что соединиться, но даже пересечься. Ну, может быть, один стоял бы навтыжку в почётном карауле, когда его страна принимала бы другого – императора великой державы. Всё изменила Великая революция. Всё: судьбы народов, государств, каждого человека, попавшего в водоворот невиданных событий.

Наполеон и Александр оказались в центре этого водоворота, один – по воле привередливой судьбы и собственной гениальности, другой – по долгу рождённого главой огромной державы, которая не могла уклониться от катаклизмов, потрясавших Европу.

Любители считать утверждают: о Наполеоне издано более сорока тысяч книг. По другим сведениям – более двухсот тысяч. Разница, конечно, существенная. Но все согласны в одном: о нём написано больше, чем о любом другом человеке, когда-либо жившем на земле. Вот это-то считающееся

бесспорным утверждение легко опровергнуть. О Наполеоне Бонапарте написано ровно столько, сколько об Александре Павловиче Романове, – не меньше, но и не больше. Потому что никто, пишущий об одном из них, не может обойти молчанием другого: война 1812 года связала их неразрывно. Эта трагическая связь-соперничество – знамение времени: высокородность противостояла гениальности. Гениальность доказала своё превосходство, но победила высокородность. Хотя победа эта достигнута, как сказали бы сейчас, с использованием административного ресурса, причём объединённого ресурса всех европейских монархий.

Я не буду сравнивать двух повелителей огромных империй (вполне очевидно: такого сравнения Александр не выдерживает), попытаюсь только разобраться, что привело к кровавому столкновению народов, всегда с уважением и симпатией относившихся друг к другу. Хотя даже такую попытку полагаю излишне самонадеянной: «Личность Наполеона непередаваема словами», – сказала когда-то Жермена де Сталь...

Часть I

Пути, которые не должны пересечься

Наполеон

Чтобы родить ребёнка, здорового физически и душевно, будущая мать должна смотреть на красивые вещи, на мирные пейзажи, слушать прекрасную музыку, её должны окружать покой, любовь и забота. Такое поверье существует почти у всех народов земли. А что нужно, чтобы родить гения?



Антуан Гро. «Бонапарт на Аркольском мосту»



Летиция Буонапарте кормила грудью сына Жозефа (пятерых детей она потеряла в младенчестве) и вынашивала следующего в военном лагере корсиканских патриотов, пытавшихся вернуть свободу своему родному острову. Летиция вспоминала: «Частенько я выбиралась из нашего укрытия в горах, чтобы только узнать новости, и слышала, как свистели вокруг пули, но я верила, что Мадонна спасёт меня». Мадонна спасла. И её, и будущего сына.

Мало того, что вынашивала она его не так, как положено добропорядочной матери, она и родила-то его «неправильно». Была на улице, когда почувствовала внезапное приближение родов. Едва вбежала в гостиную, не успела даже прилечь, как ребёнок... упал на пол. Чтобы оказаться на свободе, ему понадобились мгновения. И никаких родовых мук... Это случилось в городе Аяччо, на Корсике, 15 августа 1769 года.

За три месяца до рождения сына Летиции и Карло Буонапарте французские войска разгромили повстанцев.

Карло, бывшему адъютанту вождя корсиканских патриотов Паскуале Паоли, пришлось пойти на службу к французам. Иначе было не выжить. Тем более что семья всё время росла. Отец был с детьми добр, мать – строга. Судя по всему, это сочетание оказалось весьма благоприятным: малыши росли послушными, особых проблем с ними не возникало.

До поры до времени...

Исключением был Наполеоне. Его агрессивность была не только и не столько проявлением не самого лёгкого характера. Она питалась ненавистью к поработителям Корсики – французам, ненавистью, которая ещё больше разъедала душу потому, что её приходилось тщательно скрывать. Да-да, тот, кто отдаст Франции всё, чем щедро одарил его Бог, кто с гордостью будет называть себя императором французов, в детстве свою будущую вторую родину ненавидел.

Правда, если бы отец не сотрудничал с ненавистными пришельцами, вряд ли Наполеону удалось бы получить приличное образование: денег едва хватало на то, чтобы накормить и хоть как-то одеть детей.

Александр

В это самое безнадёжное для будущего покорителя Европы время в семье российских самодержцев родился младенец, которому предстояло сыграть в жизни Наполеона роль роковую. Но до этого ещё далеко. Пока он даже не знает, что есть такая страна – Россия.

А между тем императрица далёкой, холодной, неизвестной маленькому Наполеоне России Екатерина Великая с нетерпением ждёт появления на свет первого внука. Его будущей матери, хотя особенно нежных чувств к ней и не питает, она создаёт те условия, которые считаются необходимыми, чтобы на свет появился здоровый младенец, здоровый физически и нравственно. Казалось, бабушка полюбила своего первого внука ещё до рождения. Полюбила страстно, безоглядно.

Как только невестка, жена её сына и наследника, великая княгиня Мария Фёдоровна разрешилась от бремени и повитуха обмыла и запеленала младенца, безмерно счастливая бабушка унесла новорождённого в свои покои. Невестка переживёт. И ещё нарожает сколько захочет. А этот, первый, принадлежит ей! Из него она вылепит своё подобие – великого императора.

Через несколько дней после рождения внука она напишет в Париж барону Фридриху Мельхиору Гримму, одному из

немногих, с кем могла позволить себе быть абсолютно откровенной: «Это вовсе не Александр Великий, а очень маленький Александр... который в честь Александра Невского получил торжественное имя Александра¹. Но, Боже мой, что выйдет из мальчугана? Я утешаю себя тем, что имя оказывает влияние на того, кто его носит, а это имя знаменито...»

В следующем письме обожающая внука императрица пишет: «Вы говорите, что ему предстоит на выбор подражать либо герою, либо святому одного с ним имени, но вы, вероятно, не знаете, что этот наш святой был человеком с качествами героическими. Он отличался мужеством, настойчивостью и ловкостью... Итак, моему Александру не придётся выбирать. Его собственные дарования направят его на стезю того или другого. Во всяком случае из него выйдет отличный малый».

Любопытно, что император Павел, относившийся к Гримму с той же благосклонностью, что и Екатерина (случай крайне редкий: Павел терпеть не мог тех, кто был близок к ненавистной матери), просил барона постараться привлечь молодого многообещающего генерала Бонапарта на сторону Людовика XVIII.хлопоты, как и следовало ожидать, оказались напрасными. Стать придворным военачальником очередного Бурбона в планы Наполеона не входило.

¹ Имя государыня выбрала сама, согласны ли родители, даже не спросила.

Наполеон

Наполеону было десять лет, когда судьба его решительно изменилась: он оказался во Франции, в одном из лучших военных училищ страны. Казалось бы, всегда мечтавший учиться мальчик должен радоваться, а он умоляет родителей забрать его домой. Почему?

«Мне надоело вечно ощущать свою бедность и выслушивать насмешки однокашников, всё превосходство которых надо мной состоит в их богатстве. Что же, мне и в самом деле склонить голову перед теми, кто по благородству чувств стоит столь ниже меня?»

Ответ был решительным: у нас совсем нет денег, тебе придётся остаться в училище.

Денег не было настолько, что родители ни разу за пять с половиной лет не смогли оплатить своему мальчику поездку на каникулы домой. Тосковал он невыносимо, мрачнел, становился подозрителен, не желал общаться с однокашниками. Книги были единственной отрадой. Если бы не они, он возненавидел бы Бриенн, хотя потом был благодарен этому городу за то, что именно там познал азы военного искусства, которое стало главным делом его жизни.

Удивительные повороты делает иногда судьба: в Бриенне начинался Наполеон-военный, а через тридцать пять лет там же, под Бриенном, закончился Наполеон-победитель. Это

случилось 29 января 1814 года, когда войска антинаполеоновской коалиции уже вступили на землю Франции и рвались к Парижу. 25 января, простившись с женой и трёхлетним сыном, он выехал в Бриенн. Мог ли думать, что видит семью в последний раз...

Мы не знаем, о чём думал он по пути в Бриенн. Но трудно вообразить, чтобы не вспоминал и школьные годы, и отца, и первую свою поездку с юга Франции сюда, в Бриенн. Казалось ли ему добрым предзнаменованием то, что предстоящий бой – первое крупное сражение на французской земле – произойдёт именно в Бриенне? Или наоборот? Кто знает. Но почти наверняка он заметил эту странную связь между настоящим и далёким, полузабытым прошлым – он всегда искал скрытые смыслы событий.

Сражение под Бриенном он выиграл, но не смог добиться главного: уничтожить вражеские силы по частям. Ему не дали этого сделать отважно сражавшиеся русские гусары барона Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. Им удалось соединиться с австрийцами, собрать все силы в один мощный кулак и нанести Наполеону поражение 1 февраля в сражении при Ла-Ротьере. Путь на Париж оказался открыт. Бриенн стал последней победой великого полководца... И последним подтверждением: воевать против русских не следовало.

Но вернёмся в Бриенн начала 80-х годов XVIII века. Учился Наполеон блестяще. Во-первых, конечно, благодаря незаурядным способностям и памяти, какую позднее, после

изобретения фотоаппарата, станут называть фотографической. А ещё – чтобы доказать богатым, избалованным, заносчивым однокашникам, что он, бедняк, уступает им только в одном, в богатстве, зато во всём остальном – превосходит недостижимо. Он делал блестящие успехи в математике, истории, географии. Проблемы были только с языком, но если поначалу предметом насмешек было его произношение (от акцента пришлось избавляться долго и с большим трудом), то теперь оставалось только одолеть трудности французской орфографии (он писал, как слышал, поэтому нередко попадал в неловкое, а то и смешное положение; а этого он не терпел). Кстати, Наполеон обладал несомненным литературным даром. Подтверждение этому – множество сохранившихся текстов и набросков. Но без грамматических ошибок писать по-французски он не научится до конца дней.

Любопытно: Пётр Великий писал на русском, родном, языке чудовищно неграмотно; Екатерина Великая, овладевшая русской разговорной речью в совершенстве, писать по-русски без ошибок, как ни старалась, научиться не смогла. Может быть, это один из признаков гениальности? Скорее всего, я заблуждаюсь, но предмет для размышлений определённо существует...

Александр

Маленький русский царевич даже не подозревал о существовании проблем, которые мучили Наполеоне Буонапарте. Детство его было безоблачным. Это можно утверждать с полной уверенностью: о младенческих годах ни одного из членов царского семейства не осталось таких подробных и нежных свидетельств, как о детстве Александра Павловича. Он буквально купался в бабушкиной любви. Она писала: «Коли он не удастся, то я не знаю, что может удалиться на этом свете. Тут будет успех физический и душевный, или я ничего в этом не смыслю, или белое должно обратиться в чёрное. Всё это весьма таинственно, загадочно, пророчески и может дать пищу умам, привыкшим мучиться над растолкованием пророческих писаний».

Это тоже своего рода пророчество. Сбудется оно лишь частично. Насчёт физического успеха она оказалась права: её обожаемый внук был одним из самых красивых мужчин своего времени. Насчёт успеха душевного – сложнее. О том, как перемешает судьба в её внуке добро и зло, мне ещё предстоит рассказать. Она об этом не узнает. Не успеет... Но главные слова, которые будут сопровождать Александра Павловича всю жизнь и останутся с ним после смерти, – «таинственно», «загадочно» – она в отношении его произнесла первой. И оказалась права.

Наполеон

Наполеон красотой не блещет. Лицо у него выразительное, даже красивое суровой мужественной красотой. Но он низкоросл, худой настолько, что мундир висит на нём как на вешалке. Однако невзрачность не мешала его успехам. Блестяще закончив военную академию в Бриенне, из которой поначалу так хотел бежать, он переходит в Эколь Милитэр, высшую военную школу Франции. Обычно кадет учился там два года, Наполеона представили к офицерскому званию через год.

Вот отрывок из характеристики, которую получил выпускник Эколь Милитэр Буонапарте: «Замкнутый и прилежный в учёбе, предпочитает занятия любым развлечениям и увлекается чтением книг хороших авторов. Молчалив, любит одиночество, вспыльчив, высокомерен и весьма эгоистичен. Немногословен, но всегда находчив и резок в ответах и обычно побеждает в спорах. Чрезвычайно самолюбив, а его честолюбие вообще не знает границ».

Нельзя не отдать должное проницательности автора этой характеристики. Жаль, что он не заметил (или не счёл нужным написать), что высокомерие и то, что выглядит эгоистичностью, — форма самозащиты человека крайне ранимого.



Юный Бонапарт рисует на стене план битвы

Никола Туссен Шарле. «Бонапарт рисует на стене план сражения»

Что же касается чтения, то он не просто читает, он выпи-сывает (выписки иногда весьма пространны) то, что его осо-бенно заинтересовало. Кстати, тетради, в которые он запи-сывал заинтересовавшие его мысли, через много лет после его смерти издали. Получилось четыреста полных страниц. По этим записям можно судить, как складывалось мировоз-зрение будущего императора французов. Там интересно всё. Но потрясла меня последняя запись в последней тетради: «Святая Елена, крохотный остров в Атлантическом океа-не. Английская колония». Что это? Озарение свыше? Указу-ющий перст судьбы? Предчувствие, пусть даже и неосознан-ное? Эта запись могла бы поразить, даже если бы была в ряду других, связанных, скажем, с путешествиями, с географией. Ничуть не бывало. Она стояла особняком. И – главное – бы-ла последней... Мистика?

Александр

Всеми успехами Наполеон всегда был обязан только себе. Все достижения становились результатом преодоления препятствий, которые казались, да и были на самом деле для человека не только заурядного, но даже и талантливого непреодолимы.

Александр (пока!) ничего преодолевать не приходилось, разве только собственную лень. Через много лет современник заметит: «...в жилах его вместе с кровью текло властолюбие, умеряемое только леностью и беспечностью».

Как только внуку минуло шесть лет, бабушка решила, что ему пора приступать к систематической учебе. Самолично составила по летописям рескрипт, озаглавленный «Записки касательно Российской истории». Это поразительное произведение. Царица не просто описывала события далекого прошлого, она находила в каждом из них нравственный смысл, который будил чувство гордости за свою страну, желание не посрамить память предков.

Учителем французского языка Екатерина пригласила убеждённого демократа, швейцарского адвоката Фридриха Цезаря Лагарпа. Александр хотя и доставлял наставнику немало хлопот, мог растрогать доверчивой непосредственностью: «Что из меня будет? Ничего, судя по наружности. Благоразумные люди, которые будут мне кланяться, будут из

сострадания пожимать плечами, а может быть, будут смеяться на мой счет, потому что я, вероятно, буду приписывать своему отличному достоинству² те внешние знаки уважения, которые будут оказываться моей особе. Так-то кадят идолу, смеясь над подобной комедией».

Ребёнка, написавшего такое, можно упрекнуть в чём угодно, но не в заурядности. Что же касается подозрения, что люди будут смеяться на его счет, оно отравляло ему жизнь с детства и до конца дней. Причина этого подозрения – глухота.

Именно глухота сделала Александра недоверчивым и мнительным. Он этого не скрывал. Ему казалось, что люди (в том числе и самые близкие) только и делают, что перешёптываются за его спиной, смеются над ним. С таким самоощущением трудно было оставаться всегда спокойным, доброжелательным, уверенным в себе, в общем, таким государем, каким хотела видеть его бабушка. Это в наше время глухота руководителю не помеха. Пример тому президент Клинтон. Во времена Александра Павловича слуховых аппаратов ещё не было.

А Лагарпу удалось если не главное, то очень важное: глубоко внедрить в сознание и сердце своего воспитанника, будущего императора Александра I, уважение к достоинству человека, независимо от социального положения, которое этот человек занимает. Именно швейцарскому республикан-

² Имеется в виду титул.

цу в большой мере обязана Россия первыми годами царствования Александра I – светлыми годами, когда стало легче дышать, когда у людей появилась надежда, теми годами, которые Пушкин назвал «дней Александровых прекрасное начало».

Император Всероссийский Павел Петрович. Отец

Наверняка кому-то покажется, что автор слишком много места уделяет (это ещё впереди) рассказам об окружении главных героев. Но я убеждена: родители, братья, сёстры, друзья – не просто составляющие среды, в которой любой из нас живёт. Все они влияют на судьбу и характер человека. Даже если он – император. А уж родители – в первую очередь. Здесь ведь ещё и наследственность...

В «Мемуарах» прусского короля Фридриха II читаем: «Слишком важен, заносчив и горяч, чтобы удержаться на престоле народа дикого, варварского и избалованного нежным женским правлением. Он может повторить судьбу своего несчастного отца».

Эту запись Фридрих сделал после первой встречи с сыном своего убиенного неистового поклонника Петра Фёдоровича и отцом нашего тогда ещё не рождённого героя, Александра Павловича. Шло лето 1776-го. Павлу Петровичу оставалось жить ещё четверть века.

Не будем принимать в расчёт нелестную оценку нашего народа. Что в ней удивительного, если вспомнить: именно этот народ дважды изрядно поколотил слывшего непобедимым Фридриха. Такое не прощают. Тем более если привык, что мир называет тебя Великим.

Насчет нежного женского правления с мудрым прусским королём тоже можно поспорить. Особенно если вспомнить некоторые проявления «нежности» императрицы Анны Иоанновны.

Но вот в оценке русского великого князя и в предвидении его судьбы Фридрих оказался точен абсолютно. Никто не способен был оставлять столь противоречивых впечатлений, как Павел Петрович. Ни о ком из персонажей отечественной истории не осталось столь взаимоисключающих мнений. Ласковый и жестокий, умный и безумец, грубый и деликатный, благородный и коварный, доверчивый и подозрительный, прекрасно воспитанный и абсолютно неадекватный, патологический трус и человек, способный на решительные поступки. Это всё о нём. И всё – правда.

Пока матушка была жива, он упивался своей безраздельной властью над гатчинским воинством. Нелепо? Смешно? Но беда в том, что в Гатчину ездили любимые внуки государыни. Визиты эти были не так уж часты, однако атмосфера армейской дисциплины, суровой муштры, превращавшая солдат, да и офицеров в безупречно отлаженные автоматы, завораживала подростков.

Наверное, в мальчиках проснулась любовь к армии, свойственная всем Романовым. Чем больше они наблюдали за строевыми занятиями отцовских солдат, тем больше их тянуло в Гатчину. И тем чаще им приходилось изворачиваться и врать... Перед бабушкой нужно было делать вид, что едут

к родителям против воли, что с трудом терпят их общество, но вынуждены подчиняться долгу. Родителям говорили, как счастливы вырваться на свободу из-под надоевшей бабушкиной опеки. Константина необходимость лгать приводила в бешенство. Александру ложь удавалась великолепно. Так постепенно маска заменяла истинное лицо, лицемерие становилось чертой характера.

Подростком, почти ребёнком, он начал жить двойной жизнью. Поначалу был вынужден, чтобы избежать лишних конфликтов и объяснений с бабушкой и родителями. Потом – привык. Потом, судя по всему, вошел во вкус. В Царском Селе – один Александр, в Гатчине – другой. И так забавно: старшие верят ему, не замечают притворства! Оказывается, он легко может манипулировать этими взрослыми людьми, считающими себя такими умными. Пока это игра...

Однако мудрой бабушке стоило бы задуматься. «Военные игры» начинали приобретать формы страшноватые. Как-то в присутствии сыновей Павел Петрович с извращённой жестокостью наказал офицера за ничтожную провинность. Увидев их ошеломлённые лица, улыбнулся и назидательно произнес: «Вы видите, дети мои, вы видите, что с людьми необходимо обращаться, как с собаками?!» Молодые люди возразить не посмели. Но тревога за своё будущее и будущее страны (если они начали задумываться о судьбе страны) с тех пор их не покидала. Уже тогда, своими руками отец готовил старшего сына к чудовищному поступку, постепенно делая этот

поступок неотвратимым...

Пока во власти Павла Петровича только Гатчина. Скоро окажется вся Россия...

Александра нередко (как современники, так и далёкие потомки) обвиняли в убийстве отца. Мол, он дал заговорщикам согласие на расправу с Павлом Петровичем. Едва ли. На отстранение от престола – да. Но не на убийство. Верю свидетельству Елизаветы Алексеевны: «Он был положительно уничтожен смертью отца и обстоятельствами, её сопровождавшими. Его чувствительная душа осталась растерзанной всем этим навеки». Это – ключ ко многим мучившим его комплексам.

А то, что Александр согласился на отстранение отца от престола, так это не от желания властвовать, а от вполне естественного желания жить. Не сомневаюсь, он поверил, будто Павел Петрович готовится посадить в крепость и опостылевшую жену, и выкормышей ненавистной матери – старших сыновей. Умирать он не хотел. Сходить с ума в одиночном каземате Шлиссельбурга – тоже...

Александр Павлович стал императором в двадцать четыре года. В этом же возрасте Наполеон был произведён в генералы.

Адвокат из Аяччо

Карло Буонапарте. Отец

Если в отношениях между российским императором Павлом и его наследником не было и намёка на теплоту и доверие, то Карло и Наполеоне Буонапарте связывала искренняя любовь. Беда только, что будущий император французов лишился отца очень рано и испытать в полной мере его влияние просто не успел. Но унаследовал от отца богатое воображение, романтическое (несмотря на внешний прагматизм) отношение к жизни, неотразимое обаяние (правда, Карло им просто лучился, Наполеон был обаятелен, только когда хотел).

Карло, как и его красавица жена, происходил из аристократической корсиканской семьи, но если такое происхождение на континенте располагало к праздности и высокомерию, на Корсике аристократы, как и простые крестьяне, были прочно привязаны к земле — она их кормила. Карло Буонапарте был убеждён и с самых малых лет внушил сыну: честь важнее денег, верность важнее эгоизма, а храбрость важнее всего на свете. Он не только декларировал эти убеждения, он неуклонно следовал им в жизни. И сын это видел.

То, что он приспособился к французскому правлению, нельзя считать грехом, да и правление это в первые годы было достаточно мягким. Кроме того, не стоит забывать, что,

доверив именно Франции обучение и воспитание своего сына, отец (пусть и невольно) помог ему сделать первые шаги к славе и могуществу.

Карло без труда доказал свою принадлежность к аристократии, был внесён в сословную книгу французского дворянства и занял место в Корсиканских Генеральных штатах, а вскоре был избран членом Совета двенадцати дворян, который управлял Корсикой. Скромного адвоката стало трудно узнать.

Соседи теперь называли Карло не иначе как Буонапарте Великолепный. Не стоит предполагать, что причиной преобразования Карло было честолюбие или что он больше всего заботился «о красе ногтей». Нет, он делал всё, что могло помочь обеспечить его детям достойное образование. Потому что из заработков, которые помогли выбраться из нищеты и даже нанять служанку в помощь Летиции, оплатить обучение хотя бы только старших детей было невозможно.

На помощь пришёл граф де Марбеф, которому французское правительство доверило управление Корсикой. Отправляя его на мятежный остров, министр внутренних дел просил: «Сделайте так, чтобы корсиканцы вас полюбили, и не упускайте ни одного повода сделать так, чтобы они полюбили Францию». Луи Шарль Рене де Марбеф справился с этой поначалу казавшейся невыполнимой задачей блистательно. Скоро представитель завоевателей сделался на острове своим человеком. А с Карло Буонапарте – подружился. К тому

же – влюбился в Летицию. Называл её «самой поразительной женщиной в Аяччо». Роман был платоническим: Марбеф – человек порядочный, репутация Летиции безупречна.

Правитель острова искренне сочувствовал своим друзьям и предложил ходатайствовать перед королём о бесплатном обучении старших детей Буонапарте. Король разрешил! Начиналась новая жизнь...

В день Рождества (знаменательно, не правда ли?) Наполеон впервые ступил на французскую землю. Первое впечатление было ужасным: он не понимал, что говорят окружающие. Карло французским владел, так что переводил ему чужие слова, а главное – утешал растерянного, помрачневшего сына. Он и потом, когда сыну становилось совсем немоготу среди чужих людей, умел найти слова, которые утешали его мальчика, помогали терпеть, работать – закалять волю.

Смерть отца стала для Наполеона страшной утратой. Он неотступно думал о том, что не успел что-то сказать отцу, о чём-то его спросить. Корил себя за то, что чем-то обидел... Он обожал мать, но всю жизнь не мог простить ей, что она заставляла его шпионить за отцом: тот любил иногда выпить с друзьями в каком-нибудь маленьком уютном кафе. После выпивки брались за карты. Играли на деньги. Когда Карло проигрывал, у Летиции не оставалось ни сантима на хозяйство. Вот она и посылала Наполеона посмотреть, не играет ли отец на деньги. Он шёл. Но угрызения совести мучили неотступно: что может быть отвратительнее шпионства, да

ещё шпионства за отцом! Но и матери не мог отказать. Это было первым, но далеко не последним случаем, когда ему приходилось выбирать из двух зол... Когда отец умер, сын не мог простить себе, что всё-таки выполнял просьбы матери – предавал отца. Но было уже поздно: ничего не изменить, даже прощения не попросить...

Великая княгиня, потом – российская императрица Мария Фёдоровна, урождённая принцесса Вюртембергская София-Доротея. Мать

В своё время поняв, что представляет собой Мария Фёдоровна, Екатерина полностью утратила к ней интерес. А напрасно. Невестка ведь не могла не передать детям свои черты. И передала... Достаточно вспомнить непреклонную жёсткость Николая Павловича или двойственность натуры Александра Павловича.

Рассказ о женской судьбе Марии Фёдоровны мог бы быть интересен и даже поучителен, но сейчас нас интересует преимущественно мать и отчасти – свекровь. Потому что её влияние на жизнь старшего сына, да и на жизнь страны было не просто велико, но несоразмерно положению вдовствующей императрицы. Подобное в истории случалось, но преимущественно в двух случаях: если вдовствующая государыня была настолько умна, что её царствующий сын искренне дорожил её мудрыми советами, или если сын просто очень любил свою мать.

Мария Фёдоровна выдающимся умом не блистала, и

Александр это прекрасно понимал, трезво оценивал и своё интеллектуальное превосходство над матушкой (это было вполне объективно и к нарциссизму, в котором не без основания его упрекают, не имело ни малейшего отношения).

Особенной любви мать и сын друг к другу тоже не испытывали, притом что внешне их отношения выглядели безупречными. Но если бы даже Александр в детстве и юности обожал матушку, то что она с ним проделывала, когда он стал императором, просто не могло не разрушить это чувство.

После смерти Павла Петровича окровавленную рубашку мужа она держала в специальном ларце, который всегда был у неё под рукой. Так вот, когда ей нужно было что-то получить от сына, она приглашала его к себе, ставила на стол ларец, открывала его и обращалась к императору с очередной просьбой. Надо ли удивляться, что отказа она не знала. Надо ли удивляться, что каждый раз после такого демарша матери Александр приходил в отчаяние.

Он постоянно носил на сердце этот груз: пусть невольно, пусть не желая такого страшного исхода, он ведь всё-таки содействовал заговорщикам. Но это он знал, что не желал отцу смерти. Мать этого не знала, а если бы и знала, не признала бы никогда. Ведь признать значило потерять возможность управлять сыном-императором. Чтобы получить право самовластно управлять сыном, а значит – Россией, она была готова на всё.

Кроме желания властвовать матушка молодого императора Александра безмерно дорожила репутацией щедрой, несравненной благотворительницы. Чтобы поддерживать эту репутацию, нужно было постоянно тратить немалые деньги, а значит, отказывать себе хотя бы в чём-то. К этому она не была готова. Следовательно, сын должен давать столько денег, чтобы ей не приходилось жертвовать ничем. И он давал... Хотя ежегодно требовала она на личные нужды сумму несообразную: миллион рублей. Это больше, чем составлял в начале XIX века бюджет столицы Российской империи.

Сегодня мало кто знает, что война с Наполеоном и восстание декабристов – в большой степени плоды интриг Марии Фёдоровны. Но об этом чуть дальше.

Скажу только, что в дни войны, когда русские матери, и крестьянки, и аристократки, пусть с болью, но благословляли своих сыновей на защиту Отечества, для неё самым большим счастьем было то, что младшие сыновья ещё не достигли возраста, когда долг повелевает каждому мужчине взять в руки оружие. Весной 1815 года до Петербурга дошла весть о бегстве Наполеона с острова Эльба и его высадке на французском берегу. Война в Европе возобновилась. Теперь Марии Фёдоровне пришлось отпустить в действующую армию всех четверых сыновей. Она истово молит Бога сохранить ее детей. В армию отправились четверо, но матушка молится за троих. Константина почему-то не упоминает... К тому моменту, когда под Ватерлоо судьба Наполеона была решена

окончательно, её младшие сыновья ещё не успели добраться до поля сражения. Теперь можно было посвятить себя главной цели: добиться от среднего сына (которого она, заметим, не просила вернуть) официального отречения от права на трон. Ей это удаётся. Она счастлива: место нелюбимого Константина занимает обожаемый Николай!

Тут бы и объявить подданным, что теперь Николай Павлович – законный наследник престола. Существует мнение, что объявлять об этом не хотел Александр. Якобы он, нерешительный, подозрительный, осторожный, опасался, что у Николая не хватит терпения ждать, что он способен повторить то, что сделали с их отцом и дедом. Но чем внимательнее изучаешь документы последних лет царствования Александра I, тем меньше доверяешь этому широко распространенному мнению. Это – интрига Марии Фёдоровны. Она знала, как относится гвардия к её Николаше, и не хотела объявлять заранее, что он станет следующим императором, – боялась.

Принято считать, что декабристы обманули солдат, скрыв свои подлинные цели, призывали выступить не за свободу, не за конституцию, а за права законного наследника, Константина Павловича.

Но если бы было известно, что уже три года назад законным наследником стал Николай Павлович, разве такой обман был бы возможен?

А без солдат – какое восстание? Очередной заговор – да.

Но это была бы уже совсем другая история.

Летиция Буонапарте, урождённая Ромалино. Мать

Между женщинами, родившими Наполеона и Александра, мало общего, но всё-таки оно есть. Начнём с того, что «мать императора» – должность довольно редкая. Но, как известно, любую должность исполнять можно по-разному...

Ещё одно несомненное сходство – обе императрицы-матери родили по многу детей. У Марии Фёдоровны их было десять (четыре мальчика и шесть девочек), у Марии Летиции – тринадцать (пятеро умерли в младенчестве, остались пять мальчиков и три девочки).

Властный характер – тоже свойство общее. Разница в том, что Летиция никогда этого не скрывала (она вообще была очень открытой), а Мария Фёдоровна полжизни изображала робкую, послушную невестку и жену, зато потом проявила себя во всём блеске.

И, наконец, обе терпеть не могли своих невесток.

Почему Мария Фёдоровна сразу невзлюбила Елизавету Алексеевну, я ещё расскажу. У Летиции были вполне понятные, хотя и не вполне справедливые причины не любить Жозефину. Во-первых, на шесть лет старше сына. Во-вторых, репутация. Опираясь не просто на сплетни, но и на вполне достоверные факты, безупречная, глубоко верующая све-

кровь считала невестку женщиной лёгкого поведения, а какая мать пожелает любимому сыну такую жену? К тому же невестка обременена детьми от первого брака, а родить наследника Наполеону не способна. Но это – причины внешние. Их она, возможно, сумела бы преодолеть, смогла бы смириться с выбором сына. Но, не исключая, что Летиция, хорошо знавшая, что такое любовь, чувствовала: Жозефина не любит её мальчика (в начале их совместной жизни так и было). А уж этого она простить не могла.

Ей казалось, что его просто нельзя не любить. Её любовь, её вера всю жизнь оберегали сына.

«Я утверждаю даже, что всё будущее ребёнка зависит от матери». Это слова Наполеона. Не умозрительное, теоретическое утверждение, но безусловное признание роли, какую сыграла его собственная мать. Он был уверен: «Матери и её строгим правилам я обязан всем своим счастьем и всем тем, что я сделал хорошего».

К сожалению, Александр Павлович о своей матушке такого сказать не мог. Впрочем, здесь самый широкий простор для рассуждений и, как всегда в таких случаях, – для сомнений. Первое из них, остающееся, мне кажется, одной из самых трудно разрешимых загадок: почему в одной семье, в одних условиях вырастают такие разные дети? Ведь это тот случай, когда и наследственность, и воспитание полностью совпадают. Если задаться вопросом, как у Марии Фёдоровны, женщины, склонной к интригам, зачастую вполне успеш-

ным, выросли дочери, абсолютно к интригам не способные (исключение – Екатерина Павловна, но сложные комбинации, которые она задумывала и осуществляла, не были направлены во зло)? На этот вопрос ответить несложно: воспитанием девочек императрица практически не занималась, а воспитатели, особенно Шарлотта Карловна Ливен, старались развить в них самые лучшие качества.

В семействе Буонапарте ситуация совсем другая: воспитанием детей в основном занималась мать, Летиция Буонапарте. Она не прощала детям ни одного проступка, часто строго наказывала их, при этом её сердце было наполнено добротой и любовью. Она опасалась упустить какое-то, даже случайное, дурное влияние, заботливо следила за первыми впечатлениями всех своих детей, не отдавая видимого предпочтения никому. Наполеон вспоминал: «Все низменные чувства в нас устранились, она ненавидела их. Она допускала до детей только возвышенные. Она питала величайшее отвращение ко лжи, как вообще ко всему, что носило на себе хотя бы признаки низменного. Она умела наказывать и награждать».

Удивительно и горько (можно представить, как горько было ей!), что такое воспитание не избавило её детей от чувств и качеств низменных и позорных. Почти все они (исключение – Полина, хотя у неё тоже были свои не самые безобидные недостатки) были завистливы, неблагодарны, без меры амбициозны и способны на поступок, для их матери невозможный, – предательство. Об этом подробно в главе «Напо-

леон. Клан Бонапартов. Братья и сёстры».

Происходила Летиция из патрицианского рода Рамолино, который, как и род Буонапарте, переселился на Корсику из Северной Италии. Отца Летиция не помнила, он умер, когда она была совсем крошкой. Вскоре её мать, урождённая де Пиетро-Санта, во второй раз вышла замуж за капитана швейцарского полка, состоявшего на генуэзской службе, — Франсуа Феша. От этого брака родился Жозеф Феш, которому предстояло сыграть не последнюю роль в жизни Наполеона. Летиция, сама ещё ребёнок, заменила своему сводному брату мать: родители умерли вскоре после его рождения.

Брат на всю жизнь остался для Летиции, а потом и для её детей одним из самых близких людей. Наполеон содействовал возведению дядюшки Жозефа в кардиналы. Кроме того, дядюшка получил графский титул и звание сенатора. Отношения между кардиналом и его царственным племянником были самыми тёплыми, пока дядюшка не проявил неожиданной самостоятельности: будучи в 1811 году президентом собора французского духовенства в Париже, он осудил уничижительное обращение Наполеона с папой Пием VII. Император был разгневан и удалил Феша в почётное изгнание в Лион, чем, надо полагать, оказал ему, а заодно и своей матери бесценную услугу: именно Пий VII после второго отречения Наполеона возьмёт под своё покровительство его мать и дядю и предоставит Летиции резиденцию в Риме.

Но вернусь к ранней юности будущей матери Наполео-

на. По общему мнению, она была самой красивой девушкой в Аяччо. Современники вспоминали: «Руки, ноги её были изящны и нежны: это передалось по наследству и Наполеону. Рот, быть может, с несколько серьёзным выражением, но чрезвычайно красиво очерченный, открывал два ряда жемчужных зубов. Когда по губам её пробежала улыбка, она была очаровательна. Несколько выдававшийся подбородок указывал на энергию – совсем как у сына. Роскошные каштановые косы украшали классическую голову, которой тёмные глаза с длинными ресницами и тонким носом придавали аристократическое выражение. Все черты её лица и все формы находились в поразительной гармонии. Неудивительно поэтому, что молодой Карло Бонапарт вспылал к ней сразу любовью».

Конечно, брак Карло и Летиции был слишком ранним, но жили они счастливо. Омрачала счастье потеря пятерых детей... Все они умерли в младенчестве.

Восемь детей, рождённых после того, как их матери исполнилось восемнадцать лет, выросли вполне здоровыми. Самым болезненным был только Наполеон. Скорее всего, именно поэтому и самым любимым. Летиция вспоминала, что до двух лет он был спокойным, тихим ребёнком, никогда не капризничал. Его необузданный темперамент проявился неожиданно. После трёх лет он сделался упрямым, настойчивым, всегда делал только то, что хотел. Но авторитет матери Наполеон, при всём его упрямстве и независимости, признавал

всегда. Образование Летиция получила, как и все корсиканки, мягко говоря, весьма скромное. Она отлично знала свои обязанности хозяйки и матери, да ещё молитвы Деве Марии, покровительству которой поручала всех детей и чье имя носили все её дочери. Ей же, Пречистой Деве Матери, посвятила Летиция и своего Наполеона. Ещё до его рождения. Будто чувствовала: это её дитя будет особенно нуждаться в святом покрове. И – чудо или предвидение? – мальчик родился 15 августа, в день Успения Пресвятой Богородицы...

Ей было тридцать шесть лет, когда она осталась вдовой с восемью детьми. К счастью, Наполеону тогда оставалось выдержать только один экзамен, чтобы начать получать жалованье. Ему было всего шестнадцать лет и пятнадцать дней, когда его произвели в лейтенанты. В таком возрасте не многие становились офицерами. Она гордилась сыном. К тому же, отправившись на место назначения, в маленький бургундский городок Оксонн, он взял с собой младшего брата Луи, облегчив положение матери. Если бы не помощь Наполеона и не поддержка губернатора Марбефа, друга, опекуна, крёстного отца её детей, она бы, наверное, впала в отчаяние, устала бороться.

Потом за дружбу с французским губернатором сторонники Паоли будут упрекать её в предательстве интересов Корсики. Но в этом была бы доля справедливости, если бы сам Паоли не склонялся к тому, чтобы пригласить на остров англичан. Так что речь шла не о полной независимости Кор-

сики, а о том, кого из могучих покровителей предпочесть. Чем больше сближался Паоли с англичанами, тем больше отдалялась от него семья Бонапартов. Когда Наполеон пожаловался, что не может быть на Корсике, чтобы спасти дорогое отечество от нового нашествия англичан, мудрая матушка ответила: «Наполионе³, Корсика только маленькая скала, маленькая, ничтожная частица земли! Франция же велика, богата и обильна – она объята пламенем! Спасти Францию, сын мой, задача благородная, она заслуживает того, чтобы поставить на карту всю свою жизнь».

Тем временем на острове началось восстание. Наполеон немедленно вернулся домой, попытался во главе республиканских войск выступить против Паоли, которому ещё недавно поклонялся. Но за молодым Бонапартом пошли немногие. А тут ещё младший брат, восемнадцатилетний Люсьен, выступил на заседании тулонского клуба якобинцев, назвав Паоли английским шпионом. Паоли поклялся захватить ненавистную семью Бонапартов: живыми или мёртвыми. Летиция с детьми вынуждена была бежать. Даже собрать вещи, взять с собой хоть что-нибудь в новую, неизвестную жизнь не было времени. Две ночи добирались они до берега, где стояла французская эскадра, которая должна была отвезти беглецов во Францию.

Летиция держалась уверенно. Только она знала, чего сто-

³ Именно так на корсиканском диалекте итальянского языка произносится его имя.

ит ей эта видимая уверенность, но она понимала: нужно поддержать детей – они близки к отчаянию. К тому же надеялась и внушала эту надежду детям, что во Франции её примут как эмигрировавшую патриотку и окажут поддержку. Но никто не позаботился о корсиканской семье, лишившейся всего, что было нажито за долгие годы.

Имущество семьи Буонапарте было разграблено, а земли и виноградники конфискованы. Дом, в котором родился Наполеон, на Via Malerba – теперь Rue Napoléon – был полностью уничтожен разъярёнными паолистами. Тот дом, который теперь называют домом, где появился на свет император французов, восстановлен, вернее, построен заново на старом месте в 1796 году, когда Летиция после изгнания англичан смогла вернуться на Корсику.

А в 1793 году в Марселе семья Бонапартов познала настоящую нищету. Французов изумляло, с каким спокойствием и достоинством переносила лишения эта гордая корсиканская красавица. Вспоминая то время, Наполеон говорил о матери: «У неё голова мужчины на теле женщины!»

Скудного офицерского жалованья Наполеона, единственного дохода семьи, едва хватало, чтобы не умереть с голода.

Став бригадным генералом, главой артиллерии итальянской армии и инспектором береговых батарей, Наполеон вынужден был уехать в Антиб. Туда через некоторое время вызвал мать и сестёр. Поместил их в старинном живописном замке Салле. О марсельской нищете можно было забыть. По-

том окружённая роскошью мать императора говорила, что время, прожитое в Салле, было счастливейшим в её жизни. Но вела она себя по-прежнему скромно. В Антибе долго ещё вспоминали, как мадам Бонапарт сама полоскала бельё в протекавшей около замка речке.

Она была привычна к бедности, но детям своим, как любящая мать, желала благополучия, в том числе и материального. Поэтому с радостью благословила Жозефа, женившегося на Жюли Клари, девушке из очень богатой семьи. Она надеялась, что второй её сын женится на младшей сестре Жюли, Дезире, тем более что девушка не могла скрыть влюблённости в Наполеона. Злые языки шутили, что для семейства Клари вполне достаточно одного Бонапарта. Может быть, так оно и было, но Наполеон сам скоро потерял интерес к Дезире: он встретил ту, рядом с которой все женщины мира казались ему бесцветными и не стоящими не то что любви, но даже внимания.

Я уже писала, что Летиция недолюбливала Жозефину, писала и о причинах этой неприязни. Стоит только добавить, что сын вопреки корсиканским традициям, не испросив у матери разрешения на брак, жестоко её оскорбил. Она, разумеется, понимала, что вины Жозефины в этом нет. И всё же... Но, получив письмо от невестки, пусть и нежеланной, она написала: «Будьте уверены, что я питаю к вам нежные чувства матери и люблю вас точно так же, как своих собственных детей».

А вот женитьбу Люсьена на Кристине Бойе, дочери хозяйки гостиницы, дружно не одобрила вся семья. Только Летиция, пусть и не сразу, не только примирилась с невесткой, но и искренне к ней привязалась: Кристина была скромной, нетребовательной, ласковой; она беззаветно любила своего мужа и почти каждый год рожала ему детей – в общем, была такой, какой и должна быть жена корсиканца.

А то, что Наполеон выбрал «неправильную» жену, она простила. Ведь в остальном он приносил ей только радость, а главное – она могла им гордиться. Он всегда навещал её перед тем, как ехать на войну. Она благословляла его. Когда он отправлялся в Итальянский поход, сделавший его знаменитым, Летиция так напутствовала сына: «Будь осторожен! Не являй больше храбрости, чем нужно для твоей славы!» Когда увенчанный славой сын обосновался в покорённом Милане, он вызвал к себе мать. Перед ней предстал бледный, худой генерал, не знавший ни минуты покоя. Он был так мало похож на её мальчика... «О Наполионе, я счастливейшая мать на земле!» – воскликнула она. Но тут же добавила с тревогой: «Ты губишь себя?» – «Наоборот, – весело засмеялся Наполеон (она знала: он редко, слишком редко так смеётся), – мне кажется, что только так я и живу!» На это она пророчески заметила: «Скажи лучше, что ты будешь жить в памяти потомков, но не теперь!...» Он ответил достойно: «А разве, синьора, это значит умереть?» Они оба навсегда запомнят тот разговор...

Когда Наполеон воевал в Египте, английские газеты то и дело публиковали слухи о его смерти. Каждый раз, когда ей переводили строчки из статей, радостно сообщавших, что наконец-то Англия избавилась от своего злейшего врага, ей казалось, что сердце разорвётся от боли. Но она твёрдо заявляла: «Мой сын не погибнет в Египте такой жалкой смертью, как бы хотелось его заклятым врагам. Я чувствую, что ему суждено нечто большее». Она верила в его гений.

Став императором, Наполеон назначил матери огромное содержание, окружил пышным двором и повелел именовать её *Madame Mère* (государыней матерью). Если бы она захотела, её влияние на политическую жизнь страны могло бы стать огромным: сын верил редкой проницательности своей мудрой матушки. Но она предпочитала в политику не вмешиваться.

Он доверил ей руководство всей благотворительной деятельностью, но и к этому занятию она интереса не проявила (в отличие от весьма активной матери императора Александра). Более того, говорили, будто Летиция даже забирала себе деньги, которые сын давал ей для раздачи бедным. Когда дети упрекали её в этом, она отвечала с холодной убеждённости в своей правоте: «Разве не должна я копить? Разве не будет у меня рано или поздно семи или восьми монархов на шее?» Наполеон недаром так доверял её проницательности. Она оказалась права.

В то время, когда перед её сыном стояла на коленях вся

Европа, она была единственной в семье, а может быть, и на всем земном шаре, кто не верил в надёжность исключительного, фантастического положения, в котором так неожиданно оказалась её семья. «Лишь бы это продлилось...» – повторяла императрица-мать. И только один из сыновей, тот, что стал источником этого блеска, славы, всеобщего поклонения, чувствовал, что её сомнения не напрасны.

Скорее всего, именно неуверенность в завтрашнем дне, точнее, уверенность в том, что ничего хорошего он не сулит, была причиной её расчётливости, граничащей со скупостью. Она упрекала расточительницу Полину: «Ты злоупотребляешь добротой брата».

Его добротой злоупотребляла не только Полина, которую он нежно любил, но и всё семейство. Обуздать жадность своих детей Летиция оказалась бессильна. А над её экономностью они потешались напрасно. Когда могущество Наполеона, а с ним и благосостояние его сестёр и братьев неожиданно рухнуло, им пришлось весьма кстати накопленное ею богатство. Она помогала всем своим детям. Но весьма скромно. Когда Каролина (предавшая брата, которому была обязана всем) просит у матери денег, та решительно отказывает: «Всё принадлежит императору, от которого я это получила».

Верная своему материнскому долгу после отречения Наполеона она последовала за ним в ссылку. Как ни странно, это время на острове Эльба было для неё счастливым: впервые за многие годы сын всё время был рядом с нею. Он часто чи-

тал ей газеты, в которых постоянно печатали злобные пасквилы, обвинявшие его во всех смертных грехах: «Вот видите, матушка, какое вы породили чудовище!» И они вместе смеялись вздорным выдумкам журналистов.

Когда он задумал побег, она благословила его, хотя понимала: чем бы дело ни кончилось, её счастьем всё время быть рядом с сыном придёт конец. Но она твёрдо сказала: «Отправляйтесь, сын мой, и следуйте вашему предназначению. Может быть, вас постигнет неудача, а затем и наступит смерть. Но вы не можете здесь оставаться, я это вижу со скорбью. Будем надеяться, что Бог, который сохранил вас среди стольких сражений, ещё раз сохранит вас». Сколько достоинства в этих словах... Сознание собственного достоинства и чувство чести Летиция Бонапарт пронесла через всю жизнь. Стендаль с восхищением писал о её невозмутимом, твёрдом и в то же время пылком нраве, напоминавшем женщин Плутарха или героинь итальянского Возрождения.

Во время Ста дней она вслед за сыном триумфально вернулась в Париж.

После второго отречения умоляла разрешить ей сопровождать сына на остров Святой Елены. Не разрешили. Да и он боялся, что ей не выдержать ни путешествия, ни жизни на известном отвратительным климатом острове.

Она пишет ему постоянно. Письма не пропускают. Первую весточку он получает через год. «Я уже очень стара и не знаю, вынесу ли путешествие в две тысячи миль. Но что

с того. Если умру там, то по крайней мере умру у тебя». Если бы он умел плакать...

Она умоляет отпустить её к сыну, но главы держав-союзниц отказывают: они наслышаны о её характере и боятся, что она сумеет его освободить.

Когда тюремщик, комендант Святой Елены Лоу добился удаления с острова доктора О'Мира, которому Наполеон безгранично доверял, император попросил врача навестить Летицию и Полину и передать им слова самой искренней сыновней и братской любви.

Вскоре вынужден был покинуть остров ещё один преданный человек, генерал Гурго. Добравшись до Европы, он первым делом отправился к Летиции и рассказал о своих опасениях по поводу здоровья императора. Гурго вспоминал: «Мать его, всегда нежная и добрая к нему, узнав, что сын, доставлявший ей всегда счастье и славу, страдает болезнью, которая может превратиться в смертельную, и не имеет при себе доктора, огорчилась и опечалилась более всех других родственников. Она заставила кардинала Феша вступить в сношения с лордом Батерстом⁴; скоро кардинал достиг цели, госпоже Летиции дали позволение послать на остров Святой Елены доктора Антоммарки, пастора и ещё двух человек».

Она умоляет перевести сына в другое место заключения, пусть такое же далекое, но с более здоровым климатом. Александр – единственный из глав государств, кто готов вы-

⁴ Генри Батерст – английский министр обороны и колоний.

полнить её просьбу. Но он бессилён: Англия и Австрия категорически против.

Когда все европейские владыки собираются в Аахене на конгресс Священного Союза, она обращается к ним: «Мать, подавленная горем сильнее, чем это можно выразить словами, долгое время надеялась, что Ваши Королевские Величества и Высочества, собравшись вместе, вернут ей жизнь. Не может быть, чтобы Вы не стали обсуждать пленение императора Наполеона и чтобы Ваше великодушное, могущество и воспоминания о более давних событиях не подвигли Ваши Королевские Величества и Высочества к освобождению одного человека, которому Вы некогда выказывали дружеские чувства. Молю об этом Бога и Вас, поскольку Вы – Его наместники на земле. Государственные интересы имеют свои пределы. А грядущие поколения, дарующие бессмертие, будут восхищаться благородством победителей».

Победители такой счастливой возможностью грядущим поколениям, увы, не дали. Письмо матери осталось без ответа. Зато Королевские Величества и Высочества, на благородство которых уповала Летиция, обвинили её в заговоре и даже назвали фантастические суммы, которые она якобы пожертвовала на вербовку сторонников своего сына. Она ответила с достоинством и бесстрашием, которые никогда её не покидали: «Если бы у меня были все эти миллионы, которые мне приписывают, я не стала бы тратить их на вербовку сторонников для моего сына, у него их и так предостаточно. Я

бы лучше снарядила флот, чтобы вывезти его с острова, куда его заточили без всяких оснований!»

Как он гордился, когда туда, на проклятый Богом остров, дошли эти слова...

Мать переживёт сына на пятнадцать лет. К концу жизни она ослепнет. Паралич лишит её возможности передвигаться без посторонней помощи. Но дух её не будет сломлен. В своём дворце в Риме она охотно будет принимать тех, кто сохранил верность её великому сыну. Её будут усаживать в кресло так, чтобы перед её слепыми глазами всегда был мраморный бюст Наполеона. На её карете оставался его герб, её слуги продолжали носить его цвета. Больше никто в Европе не мог такого себе позволить. Даже если бы и хотел.

Когда ей сообщили, что статую Наполеона, снятую пятнадцать лет назад, вновь водружают на Вандомскую колонну, она (чудо!) встала с кресла, к которому была прикована уже несколько лет, сама прошла в зал, где собрались родственники, села напротив бюста сына и сказала тихо, но так, что слышали все: «Император вновь в Париже!»

Наполеон

Вскоре после смерти отца шестнадцатилетний подпоручик Буонапарте отправляется к первому месту службы, в городок Баланс. Большую часть пути преодолевает пешком: так дешевле – денег-то нет. В гарнизоне его встречает мертвящая скука. Другие молодые офицеры находят спасение в балах, в мимолётных романах. Но это – не для него: на людях его бедность становится особенно очевидной, а оттого невыносимо унижительной. Для него спасение – в книгах. Кроме того, он сам пытается писать. Не только дневник (это само собой), но и статьи, и даже роман (конечно же, из жизни Корсики).

Именно там, в Балансе, он начинает писать «Намётки к памятной записке о королевской власти». Предполагает «описать детали узурпированной власти, которой ныне пользуются короли в двенадцати монархиях Европы. Среди них лишь единицы не заслуживают того, чтобы их свергли... Как нелепо считать Божьей заповедью запрет на попытки стряхнуть иго узурпатора! Отчего же любой цареубийца, добившись трона, немедленно оказывается под защитой Господа, а при неудаче платит своей головой? Насколько разумнее признать, что народ имеет право свергнуть власть захватчика. Разве это не говорит в пользу корсиканцев? Это значит, что мы тоже можем, как Генуя, сбросить французское иго.

Аминь». Судьба родины мучает его больше, чем собственная участь. Впрочем, одно от другого он пока не отделяет.

«Если бы нужно было уничтожить кого-то одного, чтобы вернуть свободу острову, я бы не раздумывал ни секунды... Жизнь мне в тягость, ничто не радует, всё причиняет боль... И поскольку я не имею возможности жить по-своему, мне всё опротивело...»

Пройдут годы, и он, тот самый Наполеон, который так страдал оттого, что его родина потеряла свободу; который был врагом всякой тирании; который так искренне сочувствовал угнетённым, — лишит свободы многие народы Европы. Парадокс? Или принявший гигантские, невиданные размеры закон кровной мести, по которому испокон веков жили корсиканцы?

Когда началась Великая Французская революция, ему было двадцать лет. Он и в самых смелых мечтах не мог вообразить, что будет значить она для него, бедного артиллерийского поручика. Но всё же он на стороне тех, кто делает революцию. Причин тому две: во-первых, если Франция будет свободна, она даст свободу и Корсике; во-вторых, при королевской власти он, Наполеон, мелкопоместный дворянин с далёкого полудикого острова, на карьеру в армии рассчитывать не может. Если же победит революция, только личные способности человека будут определять его судьбу. В своих способностях он не сомневается.

Он снова отправляется на родину в надежде в новых об-

стоятельствах занять подобающее место в управлении островом. Едва успев прижать к груди мать, сестёр и братьев, бросается к Паоли (тот уже вернулся на Корсику и без малейших усилий вернул себе место правителя, пусть и неофициального). Уверения Наполеона о том, что как раз с республиканской Францией корсиканцам по пути, не вызывают у Паоли ничего, кроме раздражения. Более того, укрепляют его желание просить покровительства у Англии. Это приводит к полному разрыву, но главное (и самое печальное) – юный романтик лишается идеала, кумира, которому поклонялся с детства. Он не был религиозен. В детстве Летиции удавалось загнать его на мессу только шлепками, но заповеди «не сотвори себе кумира» после мучительного разочарования в Паоли он будет следовать всегда.

Он оказался в Париже накануне главных событий 1792 года. Не стал участником этих событий – стал свидетелем, но до нас дошли его абсолютно откровенные высказывания и по поводу вторжения толпы в Тюильри (это было 20 июня), и по поводу свержения монархии (это случилось 10 августа). Он мог себе позволить быть откровенным: полностью доверял Бурьену, который записал, а потом опубликовал эти его слова. Правда, Луи-Антуан Фовелье де Бурьен, ровесник и однокашник Наполеона по Бриенну и Эколь Милитэр, а потом – его секретарь, оставил всего лишь небольшие рукописные заметки, а издал их (уже в виде десятитомника!) под названием «Мемуары Бурьена» некто Вилламаре. Мемуары

произвели фурор: такие разоблачения диктатора! Такие пикантные подробности! И опровергнуть было некому: к тому времени Наполеона уже почти пятнадцать лет не было на земле, а «автор» был психически болен. Только недавно удалось вскрыть фальсификацию, одну из самых циничных и самых успешных фальсификаций в истории (в неё верили и поклонники Наполеона, и его яростные ненавистники).



Революционная толпа атакует Тюильри

Жан Дюплесси-Берто. «Взятие Тюильрийского дворца»

Так вот, 20 июня, встретив разъярённую толпу, направлявшуюся к королевскому дворцу, он предложил Бурьену: «Пойдём за этими канальями». Увидев в открытом окне дворца Людовика XVI в красном фригийском колпаке, Наполеон презрительно поморщился: «Какой трус! Как можно было впустить этих каналий! Надо было смести пушками пятьсот-шестьсот человек – остальные разбежались бы!» Что это, очередное разочарование, на этот раз в короле? Отнюдь. Королём он никогда и не был очарован. Просто брошенная в раздражении фраза? Может быть, тогда Бурьен так и воспринял его слова. Но мы-то знаем, что было дальше... Пока он только произнёс собственный приговор бунтующей толпе. Расстояние от слов до вполне реальной тёплой человеческой крови будет совсем коротким...

В день штурма Тюильри и свержения несчастного, не сумевшего держаться достойно Людовика Наполеон снова наблюдает. И снова рядом с ним Бурьен. Это он рассказал о том, что будущий император, вознесённый к вершине власти революцией, с презрением назвал повстанцев сбродом и «самой гнусной чернью», а короля обозвал непечатным словом, которое Бурьен не осмелился повторить. Я, понятно, этого слова не знаю, могу только догадываться, но всё равно не решилась бы его написать.

Кстати, раз я уже начала рассказывать о дворце Тюильри, вот любопытный факт, связанный с этим дворцом. Его построили в XVI веке для Екатерины Медичи. Почти триста

лет он оставался одним из любимых дворцов французских королей. Был одно время и главной резиденцией Наполеона. Сгорел дворец в 1871 году, когда отрёкся от престола побеждённый немцами Наполеон III. Будто не смог пережить гибели французской монархии... Мистика?

Пока (в то время, о котором рассказал Бурьен) Наполеона не слишком заботит будущее Франции. Все его мысли, чувства, мечты принадлежат Корсике. Он ещё дважды пытается что-то предпринять для освобождения своей обожаемой родины, но не получает поддержки земляков. Все попытки кончаются тем, что его объявляют врагом Корсики, обрекая «на вечное проклятие и позор», и он вынужден сначала прятаться в лесах, а потом бежать с острова. Приходится увезти с собой и всю семью – родным Наполеона открыто угрожают.

Об этом я уже писала в главе «Летиция Буонапарте, урождённая Ромалино. Мать». Франция встретила беженцев решительными переменами: к власти пришли радикалы-якобинцы во главе с Максимилианом Робеспьером, человеком, убеждённым в том, что все люди по природе своей добры и высокоморальны, но если они не разделяют идеалов республики, то... Как следует поступать с этими неразделяющими, кратко и точно сформулировал младший коллега Робеспьера по Комитету общественного спасения (так называли новый высший орган управления страной) Луи-Антуан Сен-Жюст: «Сущность республики состоит в том, что она полностью уничтожает всё, что противостоит ей».

Новая власть ввела во Франции и новый календарь. Наверное, все, кто учился в школе, помнят эти даты: 9 термидора II года республики, 18 брюмера VIII года республики. Но для большинства они звучат как какой-то таинственный код, и мало кто может с лёгкостью перевести их в общедоступную систему летосчисления. Мало кто знает и о том, что автором революционного календаря был человек, многие годы проживший в России, более того, принятый в лучших домах Петербурга и даже в Зимнем дворце. Сама Екатерина Великая ему благоволила. Звали этого человека Шарль Жильбер Ромм. Был он воспитателем Павла Строганова, сына екатерининского вельможи графа Александра Сергеевича Строганова. И одновременно – пламенным революционером. Воспитанник его боготворил. Оказавшись в Париже в самый разгар революции, Павел Александрович принял в событиях самое горячее участие, даже вступил в Якобинский клуб, правда, не под своим именем, а под именем гражданина Очера (псевдонимом юный поборник всеобщего равенства выбрал название одного из многочисленных уральских приисков Строгановых, едва ли не самых богатых людей в России). Более того, ходили слухи, правда, документами не подтверждённые, что именно на деньги русского аристократа было куплено оружие, которым вооружили толпу, взявшую Бастилию. Впрочем, это совсем другая история. А нам сейчас важно то, что Павел Александрович Строганов станет близким другом Александра Павловича, так что без его

влияния, а значит, и без влияния неистового Ромма становление личности будущего российского императора не обошлось. Так вот, делая в Конвенте доклад о новом летосчислении, Ромм воскликнул: «...над французской нацией впервые запылал факел, который должен когда-нибудь озарить весь мир».

Члены Конвента приветствовали Ромма стоя. Верили: его пророчество сбудется. Не может не сбыться... Капитан Буонапарте тоже верил.

В те самые дни, когда в Конвенте не смолкали пламенные речи, когда многим во Франции казалось, что со сменой календаря меняются сами основы жизнеустройства, что наступает – нет, уже наступила! – эпоха великой, долгожданной справедливости и всеобщего братства, в далёком Петербурге тоже праздновали. Две недели столица Российской империи торжествовала по поводу женитьбы любимого внука великой императрицы, будущего самодержца.

Александр

К тому моменту, когда внуку исполнилось четырнадцать лет, Екатерина II окончательно убедилась: Павел не станет продолжателем дела её жизни. Он – другой. Чужой. Взойдя на трон, уничтожит все, что она с таким трудом создавала. Так уже было, когда Елизавету Петровну, пусть ненадолго, сменил Пётр III. Всего за полгода царствования он сумел уничтожить многое, чем дорожила Елизавета. Павел умнее, энергичнее, потому и разрушить сумеет больше.

Что же, смириться с неизбежным? Этого Екатерина не могла – просто не умела. Она решила действовать: передать власть любимому внуку, которого называла «отрадой нашего сердца». «Сколько в нём чистоты и вместе с тем глубины! Как последователен он в исполнении правил и сколь беспримерно его желание во всем поступать хорошо!.. Когда он танцует или сидит на лошади, то... напоминает Аполлона Бельведерского... Он столь же величественен, а это немало для четырнадцатилетнего юноши».

По неписаным законам неженатый человек не может быть монархом. Мальчика придётся женить – тогда окружающие начнут воспринимать его как взрослого, самостоятельного мужчину, главу собственной семьи. Она прекрасно понимала: женить Сашеньку рановато. Но интересы державы требуют... И она – решила! Одна. Никого не спросив. И впол-

не откровенно написала Гримму: «Соломон сказал: “Всеми своё время”. Сперва мы женим Александра, а там со временем и коронуем его со всеми царями, и будут при том такие торжества и всевозможные народные празднества. Всё будет блестяще, величественно, великолепно. О, как он сам будет счастлив и как с ним будут счастливы!»

Она выбрала для наследника невесту, выросшую пусть в маленькой, но прекрасной и свободной (по меркам XVIII века) стране, Баденском княжестве, в любящей, просвещённой семье. Верила: именно такая царица будет хороша для России. И всё-таки сомневалась. Как всегда, делилась сомнениями с Гриммом: «Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего... Наш же малый об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной; а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение».

Она и вправду поступила по-дьявольски: понимая, что внук «обретается в невинности» не только сердечной, но и телесной, что не готов стать мужем, прислала к нему весьма искушенную придворную даму, которая должна была научить юношу премудростям любви. Ходили слухи, что с задачей та справилась блестяще. Неудивительно, что стеснительная, робкая девочка-жена не вызывала у получившего урок мальчика-мужа мужских чувств. Не исключено, что именно это стало первопричиной непонимания, обид, а потом и измен.

Родители жениха на бесконечных праздниках по поводу помолвки не бывают: то ли не званы, то ли так выражают протест против поспешных действий государыни. И придворные делают вывод: Павла Петровича можно списать со счетов. О намерении императрицы сделать наследником старшего внука предполагают все, многие – знают наверняка.

А вот Елизавета Алексеевна о своей перспективе преградить свекрови дорогу к трону даже не подозревает. Она выросла в семье, где невозможно было соперничество между родителями и детьми. Только любовь. Она не знала, что такое лицемерие. Улыбка на приветливом, доброжелательном лице свекрови кажется такой искренней. Маленькой Луизе придётся многое пережить, чтобы понять, где лицо, а где маска... Но пока жизнь ей улыбалась (во всяком случае, ей так казалось). Ею восхищались. Не только мужчины. Графиня Шуазель-Гуфье, дама, славившаяся язычком весьма острым, писала: «Полный ума и чувства взгляд, грустная улыбка и кроткий звук голоса проникали прямо в душу; что-то ангельское проглядывало во всем её существе и говорило, что она была создана не для этого мира, а вся принадлежала небу».

Вскоре после свадьбы в юную великую княгиню влюбился последний фаворит Екатерины Платон Зубов. Александр колебался: «Ладить с ним – значит как бы оправдывать его любовь; проявить холодность – значит рассердить импера-

трицу, которая ничего не знает...» Как он осторожен, будущий российский император! Это в его-то годы, когда юношам свойственно хвататься за шпагу, если задета их честь, а уж тем более честь их жены. Если бы Елизавета была по-старше, поопытнее, поняла бы, чего можно ждать в будущем от её очаровательного супруга...

Как и положено, Екатерина узнала об увлечении Зубова последней. На него она быстро нашла управу. А на Елизавету не рассердилась, и, уж конечно, не стала мстить. Посочувствовала. Но ведь дело-то было не столько в Елизавете, а уж тем более не в Зубове. Дело было в позиции её обожаемого внука. Она была единственной, кто мог исправить положение – попытаться объяснить Александру, как в такой ситуации надлежит поступать мужчине. Да и просто дать совет, как вести себя с женой. Уж она-то знала, что нужно женщине. Но она то ли не замечала происходящего, то ли не придавала значения.

Да и легко ли было заметить, если Елизавета вела себя безупречно. Только в письмах к матери признавалась, что есть какие-то мелочи, «которые мне не по вкусу и которые ослабили мое чрезмерное чувство любви». Наверное, смущало всего лишь мальчишество. Пока – только смущало. Вскоре, когда рядом появятся взрослые, галантные мужчины, которые будут вести себя как рыцари, мальчишество начнет раздражать. Как-то один из благородных рыцарей, Адам

Чарторыйский⁵ то ли в порыве откровенности, то ли желая помочь Александру, сказал: «Богинь не целуют. Им поклоняются!» Внук Екатерины был слишком самоуверен и слишком молод, чтобы разглядеть богиню в своей юной жене. Если бы разглядел, их жизнь, а может быть, и жизнь России была бы иной.

Граф Фёдор Васильевич Ростопчин, человек весьма проныцательный, пророчески заметил: «Как бы этот брак не принес несчастья великому князю. Он так молод. А жена его так прекрасна...»

⁵ О нём ещё придётся упоминать, и не раз.

Упущенный шанс

Ещё одну ошибку (невольную, но, может быть, роковую для России) допустила примерно в это время российская государыня. Впрочем, не исключено, что виной случившемуся вовсе не её упущение, а обычное российское чиновничье разгильдяйство.

А случилось вот что. Наполеон, страдающий из-за невозможности реализовать свои способности на войне против австрийцев и пруссаков, напавших на Французскую республику; не желающий участвовать в братоубийственной гражданской войне; наконец, измученный безденежьем, написал письмо российской императрице, предложив свои услуги её армии. В те времена было принято писать прошения подобного рода на имя главы государства. Именно так оказались на русской службе многие, оставившие заметный след в нашей истории. Пример тому хотя бы доктор Лесток. Он попал в Россию, написав письмо лично Петру I. Ну, а уж потом сумел сделать всё, чтобы занять при дворе место, какого на родине не сумел бы добиться никогда.

Наполеон был наслышан: в России можно быстро сделать карьеру, русская государыня щедра, так что о куске хлеба для матери, сестёр и братьев думать не придётся, к тому же – и это главное – Екатерина постоянно воюет, так что ему наверняка найдётся применение. Тогда он ещё

не сделал своего знаменитого признания: «Я не могу не воевать!» Но сам-то это уже знал...

Так вот, ответа на своё прошение он не получил. Можно только гадать, показалось ли Екатерине его предложение неинтересным (к прошению нужно было приложить то, что сейчас называется резюме: перечень своих умений и заслуг); то ли письмо Наполеона Буонапарте до государыни просто не дошло. Учитывая особенности отношения к своим обязанностям российской чиновничьей братии, это допустить вполне возможно. В таком случае можно предположить, что руку чиновника, потерявшего или забывшего передать по адресу злосчастное письмо, направляло само провидение.

Да, история не знает сослагательного наклонения. Эта фраза давно стала банальностью, которую уже неудобно повторять. И тем не менее представлять, что было бы, если бы – одно из самых захватывающих занятий на свете.

Представим: Наполеона принимают на русскую службу. Он, конечно, не становится тем, кем стал, но возможностей проявить свой талант полководца перед ним открывается предостаточно. В 1799 году он мог бы участвовать в Итальянском и Швейцарском походах Суворова. Пришлось бы воевать против Франции? Ну, во-первых, в те годы он не воспринимал её как отечество, во-вторых, разве мало людей разных национальностей, в том числе и этнических французов, воевало в русской армии? И воевали отлично. Мог На-

полеон участвовать и в русско-турецкой войне 1806–1812 годов, и в русско-шведской 1808–1809 годов. Так что ему нашлось бы, где показать себя.

Но важнее всего, конечно же, другое: не было бы Отечественной войны 1812 года, не было бы моря крови, о чем имеющие сердце и через двести лет вспоминают с болью.

Наполеон

В то время как Александр беззаботно радуется жизни, Наполеона преследуют неудачи. Францию, куда вынуждено было переселиться семейство Буонапарте, буквально затопила ненависть. Достаточно было малейшего подозрения в нелояльности к новой власти, чтобы расстаться с головой (гильотина работала без передышки, не зная усталости). Именно страх перед гильотиной и (не меньший) перед экспроприацией собственности заставлял восставать то один город или департамент, то другой.

Наполеон, вернувшийся в свой полк, вынужден был принять участие в подавлении восстания жителей Авиньона. О том, как это происходило, можно судить по фразе из письма правительственного чиновника Жозефа Фуше одному из коллег и единомышленников: «Мы проливаем много грязной крови, но во имя гуманизма, во имя долга».

Читаю эти слова, и такое чувство, что написаны они не в 1793 году во Франции, а в 1918-м в России. Такая идентичность (ну, скажем, с учётом особенностей народов, – похожесть), хочешь не хочешь, а убедит, что революция, любая, даже если она гордо именуется Великой, – дело страшное и грязное. Так вот, будущий покоритель Европы в гражданской войне участвовать категорически не желал. Он подал прошение о переводе в Рейнскую армию: хотел воевать не

с французами, а с врагами Франции. Неизвестно, как долго пришлось бы ему ждать перевода, а поскольку революционные чиновники были ничуть не исполнительней и не расторопней чиновников царских, мог бы и вообще не дожидаться. Помог случай: капитана Буонапарте назначают командующим артиллерией правительственных войск, осаждающих мятежный Тулон.

Он счастлив. Наконец-то ему удастся проявить себя. Но главное даже не в этом. Главное в том, что воевать предстоит не против французов, а против англичан, которые, захватив Тулон, собираются оттуда идти на север, в сторону Парижа.

До появления Наполеона под стенами Тулона французская революционная армия уже два месяца осаждала город. Безрезультатно. И дело было не только в превосходстве позиций англичан, не только в их количественном перевесе, но и в том, что их поддерживали жители города. Они-то, собственно, и открыли порт английским и испанским кораблям, а городские ворота – войскам коалиции, объявившей войну республиканской Франции: ими двигали ненависть и страх перед кровавым революционным террором, они верили, что в благодарность за помощь англичане снова посадят на французский трон Бурбонов и жизнь вернётся на круги своя. Так что Наполеон заблуждался, считая, что воюет не против французов, а против завоевателей. Французам, тем, кто предал республику, ещё придётся расплатиться кровью за свой поступок. И Наполеон едва ли мог предполагать, что

Конвент проявит милосердие. Ведь Максимилиан Робеспьер вполне искренне провозглашал: «Милосердие есть варварство».

Не буду рассказывать о деталях плана освобождения Тулона, который разработал и предложил командованию Наполеон, как не буду и дальше говорить о стратегии и тактике как выигранных, так и проигранных им битв – это дело военных историков. Что же касается роли Тулонского сражения в судьбе будущего императора и в формировании его характера, то её можно назвать решающей.

Во-первых, именно под Тулоном капитан Буонапарте впервые сумел не только разработать, но и отстоять свой план осады, впервые получил возможность взять на себя всю полноту ответственности за людей и за исход военной операции.

Во-вторых, он приобрёл по меньшей мере двоих безоговорочно поверивших ему сподвижников. Первый из них, Жерар Кристоф Мишель Дюрок, станет единственным, кого он на всю жизнь одарил дружбой и полным доверием. Они не расстанутся до самой гибели Дюрока. Во всех без исключения походах и сражениях Дюрок будет рядом со своим кумиром. Он единственный, кого император возьмёт с собой, когда вынужден будет бежать из России. И именно Дюрок станет набирать, организовывать и обучать новую французскую армию взамен той, что останется на заснеженных русских полях. Он погибнет в 1813 году вскоре после сражения

при Бауцене. Для Наполеона это будет самая страшная потеря за всю жизнь. На месте гибели человека, которого считал своим вторым я, он повелит поставить памятник. На нём напишет: «Здесь генерал Дюрок умер на руках своего императора и своего друга». Он не забудет Дюрока до конца дней, а когда будет надеяться, что ему разрешат жить в Англии как частному лицу, пожелает назваться именем погибшего друга.

История знакомства со вторым участником освобождения Тулона, Жаном Андошем Жюно, кажется похожей на вымысел изобретательного литератора, пожелавшего украсить свой рассказ о великом человеке какими-то занятными подробностями. На самом деле в этой истории нет ни слова вымысла. Так вот: во время боя под Тулоном начальнику артиллерии понадобилось написать донесение командиру, сам он не мог оторваться от дела, потому потребовал грамотного сержанта или капрала, который мог бы стать на несколько минут его секретарем. Сержант не замедлил явиться и едва закончил продиктованное письмо, как ядро ударило в батарейный вал и засыпало бумагу землей. «Вот и славно, – невозмутимо заявил сержант-секретарь, – мне не понадобится посыпать чернила песком». Этим сержантом и был Жюно. Восхищённый Наполеон немедленно сделал отважного бургундца своим адъютантом. Потом Жюно станет дивизионным генералом, герцогом д'Абрантесом, наместником в Португалии, комендантом Парижа (в столице Фран-

ции и сейчас есть улица, носящая имя генерала Жюно, «Жюно-бури», как называл его Наполеон). Отчаянная храбрость не спасала Жана Андоша от вражеских сабель и пуль. Он был ранен больше десяти раз, однажды получил шесть сабельных ударов по голове, что через несколько лет и стало причиной его страшной гибели (сведённый с ума непереносимыми головными болями, он выбросился из окна). Одна рана была особенной: он получил её не в бою, а на дуэли, когда вступился за честь своего императора.



Перед боем

Третьим итогом Тулона мне кажется то, что через многие годы, вспомнив Тулон, Наполеон докажет свою способность быть благодарным. В завещании, написанном на острове Святой Елены, он не забудет генерала Жака Франсуа Дюгомье, который под Тулоном поддержал никому не известного молодого артиллериста, чей план штурма города большинство воспринимало как авантюру. Без поддержки заслуженного генерала этот план едва ли позволили бы осуществить, и кто знает, чем закончился бы поход войск коалиции в глубь Франции, да и выпал ли бы капитану Буонапарте другой случай столь блестяще себя проявить. Генерал Дюгомье в любых обстоятельствах был благороден и независим. Так, он категорически отказался выполнять приказ Конвента не брать пленных – не мог позволить себе и своим солдатам расстреливать врагов, которые сложили оружие. На Триумфальной арке в Париже, где выбиты имена всех выдающихся полководцев Франции, есть и его имя.

А в 1793 году, уже после победы под Тулоном, Дюгомье ходатайствовал перед правительством: «Наградите и повысите этого молодого человека, потому что если вы будете к нему неблагодарны, то он возвысится и сам собой». Надо полагать, генерал не мог и вообразить, насколько точно ему удалось предсказать будущее своего подопечного.

Но, разумеется, четвёртым и главным итогом осады Туло-

на было то, что эта осада стала первой победой Наполеона. Победой блистательной. Имя его узнала Франция. Его тайные мечты о славе начали сбываться. Правда, первая победа едва не стала последней: Наполеон был тяжело ранен в бедро. В те времена подобные ранения в большинстве случаев кончались ампутацией ноги. Но ему и тут повезло: рана не загноилась, ногу удалось спасти. До самой его смерти считалось, что это единственная рана за все двенадцать лет, проведённые в почти непрерывных сражениях. Но когда вскрывали тело покойного императора, обнаружилось множество рубцов и шрамов. Он скрывал свои ранения. Кто был ранен или перенёс операцию, знает, какая это боль. Он – не подавал вида, терпел...

А тогда, в 1793-м, пушки Наполеона обратили в бегство английский флот. Командующий, адмирал Сэмюэл Худ, погрузил на свои суда войска союзников, которые были деморализованы непрерывным огнём до такой степени, что «толпились у воды, как стадо свиней, и яростно рвались в море, словно одержимые дьяволом», и ночью буквально выскользнул из порта. Но перед этим поджёг арсенал и все французские корабли, которыми не смог воспользоваться. Урон флоту республики был нанесён огромный.

За изгнание войск коалиции с французской земли правительство республики присвоило молодому корсиканцу чин генерала. Было ему тогда двадцать четыре года. Именно в таком возрасте Александр Павлович взойдёт на престол Рос-

сийской империи. Но пока ему всего шестнадцать...

Во время тулонской эпопеи Наполеон подружился с младшим братом Максимилиана Робеспьера, Огюстеном, бывшим тогда народным представителем при армии. Огюстен любил брата, но в противоположность ему был мягок, доброжелателен, старался смягчать жестокость властей. Он одним из первых увидел в Наполеоне великого человека, чистосердечно восхитился его гением и стал уговаривать молодого генерала поехать вместе с ним в Париж, чтобы познакомиться с Робеспьером-старшим. Огюстену казалось, что союз двух выдающихся людей принесёт огромную пользу Франции. Наполеон ехать не согласился. Позднее он вспоминал: «Если бы я решительно не отказался от этой поездки, кто знает, куда бы повел меня мой первый шаг и какая бы иная судьба ожидала меня!»

Думаю, он имел все основания предполагать, какая это была бы судьба. Почти наверняка – гильотина...

Вместо Парижа он отправляется в Геную с заданием составить доклад о генуэзских укреплениях и состоянии тамошней армии. Вернувшись во Францию, узнаёт, что 9 термидора (27 июля 1794 года) произошёл государственный переворот, что правительство якобинцев свергнуто, что братья Робеспьеры и с ними ещё девяносто один человек казнены по обвинению в заговоре против республики. Он прекрасно понимает, что никакого заговора не было, что избавиться от не знающего жалости и снисхождения вождя якобинцев его

коллег по Конвенту заставил страх. Понимает он и то, что его дружба с младшим из братьев стала опасным компроматом.

Опасение не замедлило оправдаться: его отправили под домашний арест. Но Термидорианский Конвент оказался не таким кровожадным, как якобинский. Не обнаружив ни малейших признаков участия генерала Буонапарте в заговоре, его освободили, но направили в пехоту. Для него, артиллериста, это было унижение, с которым он смириться не мог. И он подаёт в отставку. Военная карьера, начавшаяся столь блистательно, окончена...

Тем временем термидорианцы вынесли на плебисцит новую конституцию, которую одобрило большинство французов (среди них и генерал Буонапарте). Но набирали силу и роялисты. В вандемьере (сентябре) они начали готовиться к штурму Конвента. Поняв, что их может спасти только чудо, члены Конвента вспомнили о герое Тулона (уже тогда некоторые считали его способным творить чудеса). Наполеона попросили прийти в штаб одного из вождей термидорианцев, Поля Барраса, и предложили возглавить оборону законного правительства.

Об этом человеке необходимо сказать хотя бы несколько слов: ему ещё предстоит сыграть не последнюю роль в жизни Наполеона. Так вот: Поль Франсуа Жан Николя, виконт де Баррас 14 июля 1789 года участвовал в штурме Бастилии, был избран в Конвент, голосовал за казнь Людовика XVI. Будучи одним из вождей Термидора, сыграл немалую, быть мо-

жет, главную роль в падении Робеспьера. Был членом Директории, первым лицом правящего триумvirата. Через некоторое время он поможет осуществить наполеоновский переворот 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года). Но, почувствовав, что популярность Наполеона угрожает положению его, Барраса, опытный интриган решает отослать соперника подальше от Парижа. Ему удаётся настоять на проведении египетской кампании. Казалось, честолюбивый соперник устранён. Однако Наполеон внезапно возвращается из Египта. Франция встречает его как триумфатора. Она устала от революции и верит: вот он, человек, который сможет навести порядок. Он и наводит. Правда, вскоре ввергает страну в непрерывную череду войн. Но это уже другая история. А Баррасу новый владыка Франции не доверяет (и небезосновательно), отстраняет от политической деятельности и высылает из страны. Только после первого отречения императора Баррас возвращается в Париж. Всё это – впереди, а пока отношение Наполеона к гражданским конфликтам не изменилось, он категорически не желал участвовать в борьбе французов против французов. Но Баррас-то вёл речь о защите революции... И Наполеон согласился спасти Конвент. Условие поставил одно: никто не вмешивается в его действия, не даёт ему никаких указаний.

13 вандемьера (10 октября), расстреляв мятежников из пушек, он восстановил спокойствие в столице. Баррас смог гордо заявить на заседании Конвента: «Республика спасе-

на!» А Наполеон... из героя Тулона превратился в «генерала Вандемьера». Честь невелика. Зато его имя узнала вся Франция. С тех пор многих оно заставляло содрогаться от ужаса, но большинство – восхищалось. Это было началом раскола Франции на поклонников и врагов Наполеона, раскола, который продолжается по сей день.

А тогда, после двух лет нищеты и забвения Наполеон снова оказался на коне.

В Париже он стал фигурой заметной. Его приглашали в лучшие дома. Приглашали, чтобы гости могли посмотреть на загадочного корсиканца. Ходили слухи, что он молчалив, неотёсан и свиреп. Он и в самом деле был молчалив, но если уж тема разговора его увлекала, вступал в беседу и – покорял сердца: никто из снобов-парижан не ожидал от него ни такой эрудиции, ни такого остроумия. А акцент... Что ж, по мнению многих дам, он придавал речи генерала Буонапарте особый шарм.

Коли уж речь зашла о дамах, нельзя умолчать о том, что он вообще-то сторонился женщин. Поначалу стеснялся своей бедности, потом на то, чтобы ухаживать, просто не оставалось времени. Было у него два-три мимолётных увлечения, которые не оставили заметного следа в его сердце. Он подозревал, что связать людей на всю жизнь (а временных семейных отношений никто из семейства Буонапарте в те времена не мог и вообразить) может только любовь. Но лишь теоретически представлял, что это такое.

Ему было почти двадцать шесть лет, когда он встретил Розу Богарне...

Через два года он напишет: «Мое несчастье в том, что я плохо тебя знал. Твое несчастье – судить меня теми же мерками, что и других мужчин, окружающих тебя. Мое сердце никогда не испытывало ничего незначительного. Оно было защищено от любви. Ты внушила ему страсть без границ, опьянение, которое его разрушает. Мечта (мысль) о тебе была в моей душе ещё до твоего появления в природе».

Мир знает женщину, к которой обращено это письмо, под именем Жозефина. А до встречи с Наполеоном все звали её Розой, выбрав из имён, данных при крещении, то, которое ей, на общий взгляд, больше всего подходило – имя прекрасного, нежного, душистого цветка. Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери появилась на свет в одном из прекраснейших уголков нашей планеты (во всяком случае, так считал Христофор Колумб, открывший остров Мартиника). Мартиника была колонией Франции, и отец будущей французской императрицы (не богатый и не высокородный, но – дворянин) приехал туда из метрополии и организовал собственное дело. Женился господин Пажери на местной жительнице, креолке. Могла ли их дочь мечтать быть хотя бы представленной к королевскому двору? А уж стать императрицей...

По утверждениям одних историков, девочка была не в меру кокетлива и безудержно легкомысленна. Воспитание, ею полученное, оставляло желать лучшего. Другие с не мень-

шей уверенностью утверждают, что Роза была наивна и целомудренна. Воля каждого – согласиться с любой из этих версий: истины мы уже никогда не узнаем. А вот то, что родители отправили шестнадцатилетнюю Розу в Париж, к сестре отца, – известно достоверно. Тётушка очень скоро выдала очаровательную племянницу замуж за виконта Александра Богарне, сына своего любовника, бывшего губернатора Вест-Индии.

В то самое время, когда началась супружеская (и светская) жизнь Розы, в Карлсруэ во владетельном семействе, история которого известна с X века, родилась принцесса Мария Луиза Августа Баденская. Самим происхождением она, в отличие от Розы Таше, была предназначена в супруги первого лица государства. Правда, это мог быть владелец одного из множества маленьких немецких княжеств, а мог... Им обоим выпало стать супругами владык великих держав. Только тот, кто не знает, как сложились их судьбы, скажет: «Повезло!»

Брак Розы оказался неудачным. После того как муж покинул её, она осталась обладательницей титула виконтессы и двоих маленьких детей. Титул дал ей право быть представленной ко двору (отсутствие такого права когда-то заставляло её горевать).

Поселилась она там, где обычно привечали аристократок, получивших разрешение короля на раздельное проживание с мужем, – в доме монахов-бернардинцев на улице Гренель.

Это совсем рядом с особняком Д'Эстре, купленным Александром II для посольства России. В этом изысканном дворце в центре Парижа и сейчас резиденция российского посла. Парижане называют дворец островом русской культуры и русской жизни. Правда, в те времена, когда на улице Гренель жила Роза, особняк ещё принадлежал семейству Д'Эстре, вошедшему в историю благодаря нескольким незаурядным женщинам. Самая замечательная из них – неповторимая Габриэль Д'Эстре, возлюбленная Генриха IV, почти десять лет повелевавшая не только королём, но и Францией. Роза Таше с большим интересом читала о жизни прекрасной Габриэль...

Конец более или менее благополучной жизни положила революция. Александр Богарне стал видным членом Учредительного собрания, но очень скоро был арестован. Розу предупредили, что ей тоже грозит опасность, посоветовали бежать из Парижа. Этому разумному совету последовало бы большинство женщин. Но не Роза! Да, она боялась, очень боялась. Но понимала: если она бежит, то тем самым подтвердит виновность своего мужа, пусть и бывшего. На подлость она была органически не способна.

Вскоре её арестовали. По воспоминаниям соседки по заключению, Роза была «одной из самых умных и дружелюбных женщин». Наверное, именно эти качества помогали ей приобретать искренних друзей. Среди них было семейство Тальен (жена – хозяйка модного светского салона, муж – вид-

ный политик, сначала – якобинец, потом – один из руководителей Термидорианского переворота). Именно Терезе и Жану Ламберу Тальенам Роза была обязана освобождением из тюрьмы. Их помощь подоспела весьма вовремя: после казни Александра Богарне приближалась её очередь взойти на гильотину.

Выйдя из тюрьмы, Роза вынуждена была в одиночку заботиться о воспитании и обучении детей. Помочь прелестной вдове были готовы многие. Среди них оказался и Поль Баррас.

Существует несколько версий знакомства Розы Богарне с генералом Буонапарте. Одна из них связана как раз с Баррасом. Будто бы расточительная возлюбленная наскучила Баррасу, ставшему членом Директории – одним из пяти директоров, которым была вручена исполнительная власть во Французской республике, и он счёл лучшим выходом из положения «передать» её Наполеону.

Существует ещё одна (вполне правдоподобная) версия знакомства. Якобы они встретились на одном из великолепных столичных балов. Среди роскошных высокомерных красавиц, не без труда выдерживавших тяжесть украшавших их драгоценностей, Роза Богарне напоминала нежный полевой цветок. На ней не было драгоценностей, она украсила себя только венком из фиалок и приколола к корсажу букетик этих самых своих любимых цветов. Зато глаза... Её глаза излучали такой тёплый, такой спокойный свет... Наполеон

был очарован. Весь вечер не отходил он от нежной красавицы (потом скажет, что ему сразу показалось, будто вся она «соткана из кружев»). Когда бал закончился, он проводил её до кареты. Прощаясь с будущим императором, она наклонилась, и букетик с её груди упал на землю. Наполеон поднял его, прижал к губам и унес с собой...

История трогательная и романтическая. Подтверждением, что так вполне могло быть, служит широко известное отношение Жозефины к фиалкам. В день свадьбы счастливый жених в память о том первом букете подарил ей фиалки. Она была растрогана: «Милый мой друг, позволь мне в этот памятный день каждый год носить эти цветы в знак обновления нашей любви и нашего счастья». С тех пор, где бы ни находился, чем бы ни был занят Наполеон (и когда был боевым генералом, и когда стал Первым консулом, а потом и императором), каждый год утром 9 марта Жозефина получала букет фиалок.

И всё-таки я больше верю в третью версию их знакомства. Прежде всего потому, что она известна со слов человека достойнейшего, во-первых, непосредственного участника событий, во-вторых, вообще не замеченного во лжи. По воспоминаниям Евгения (Эжена) Богарне, сына Жозефины, дело было так. Генерал Буонапарте только что подавил роялистский мятеж. Победителем возвращается он в свою резиденцию в Тюильри. Стремительно входит в гостиную. Навстречу ему со стула, стоящего у самой двери, поднимается стройный

большеглазый мальчик, взгляд одновременно и смущённый, и смелый: «Я не решился бы беспокоить генерала, но меня привели к нему долг и честь». Наполеон смертельно устал, он не расположен разговаривать с кем бы то ни было. Он отказался даже выступить в Конвенте. Но мальчик сказал: долг и честь. Эти слова так много значат для генерала. Не обращая внимания на бросившихся к нему со всех сторон просителей, он пригласил подростка в кабинет. Тот рассказал, что солдаты обыскивали дом и забрали шпагу, последнюю память об отце, покойном генерале Богарне. Наполеон распорядился немедленно найти и вернуть шпагу. Четырнадцатилетний Евгений Богарне был счастлив. И благодарен. На всю жизнь.

На следующий день поблагодарить генерала пришла мать мальчика, Роза Богарне. И бравый генерал потерял голову. Вскоре прекрасная креолка стала его женой. Для Евгения это был страшный удар: матушка изменила памяти отца! Но Наполеон, когда он того хотел, был обаятелен неотразимо. Он без особого труда и навсегда покори́л сердце пасынка. А тот, когда между его матерью и отчимом вспыхивали ссоры, всегда умел их примирить. Пока это было возможно...

Сын Евгения Максимилиан через восемнадцать лет после смерти Наполеона станет мужем племянницы Александра I великой княгини Марии Николаевны (дочери Николая I). Так судьба соединит потомков (пусть и не прямых) двух императоров, так жестоко и в сущности нелепо враждовавших

между собой в начале XIX века.

Но до этого ещё очень далеко. А пока генерал Буонапарте делает всё, чтобы покорить крепость, которая кажется ему самой неприступной из всех существующих: сердце Жозефины. Кстати, это он стал называть её Жозефиной. Имя Роза ему почему-то не нравилось. Подозреваю, он просто не хотел называть любимую так, как называли её другие мужчины.

И вот крепость сдалась... Но Жозефина не сразу поняла, что человек, чьё сердце она покорила (честно говоря, не очень-то к этому и стремясь), – гений, а потому ни в чём не похож на других. А значит – с ним будет трудно, очень трудно...

А ему мало было близости с обожаемой женщиной, ему нужно было обладать не только её телом, но и сердцем, и умом, и временем, и всеми её желаниями и помыслами. Он мечтал, чтобы она стала его женой. Это выглядело совершенно несерьёзно: мало того, что она старше (ему двадцать шесть, ей – тридцать два), но оба они ещё и бедны. Какая уж тут семейная идиллия! О, как разумны были аргументы родственников и друзей! И как бесполезны! Ради счастья несравненной Жозефины он готов был покорить весь мир. И он его покорит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.